

Олеся Коломеец

БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ

Рассказ и миниатюры

18+

Олеся Николаевна Коломеец

Блуждающий в темноте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25561582

SelfPub; 2023

Аннотация

Вопросами смысла жизни задавались еще философы древности. С тех пор мало что изменилось. Герой рассказа «Блуждающий в темноте» обременен поиском ответов. Успешный и молодой, но познавший горечь пустоты, он странствует по миру, но его душа блуждает в темноте, ибо все ответы только внутри. Любовь, выбор, случай – все имеет свой вес и приоткрывает завесу тайны жизни. Рассказ и объединенные темой поиска миниатюры дадут несколько подсказок каждому, кто хоть раз задумывался о своем месте в этой жизни. Кого-то они могут шокировать, у кого-то вызвать раздражение и даже ненависть, но равнодушными они не оставят никого.

Содержание

БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олеся Коломеец

Блуждающий в темноте

БЛУЖДАЮЩИЙ В ТЕМНОТЕ

Две недели шел дождь. Тринадцатый день был таким же мурым и мокрым, как и все его одноликие предшественники. Однообразие давило. Я курил в открытое настежь окно и смотрел, как тяжелые капли прибывают к земле пытающийся пробраться вверх дым сигарет. Несмотря на всегда теплую здесь погоду, влажность делала свое мокрое дело, заставляя зябнуть и дрожать от холода. Признаюсь, я устал от дождя. Он навевал невероятную тоску и пробирался сквозь одежду прямо к сердцу. В очередной затяжке я принял в свои легкие вредный дым, и тогда в голову пришла эта идея. Четырнадцатый день! Если он будет таким же угрюмым, я уеду отсюда. Куда-нибудь, где есть солнце.

Иногда, принимая решения, не задумываешься, куда приведет тебя вереница жизненных событий. Не знал тогда и я, всего лишь поспорив с собой о погоде четырнадцатого дня. Сегодня, когда я так же курю в открытое окно, за которым льет дождь, я спрашиваю себя, а что изменилось с тех пор? Пройденные два года жизни? А если соединить все в одну

длинную цепочку следующих друг за другом событий, получится, что время, как таковое, значения не имеет, и принимать глупые решения, типа «а если будет так, то я поступлю так», значит идти по дороге случая, который рано или поздно все равно приведет тебя в пункт выбора.

Первой мыслью, когда я проснулся, было осознание тишины. Легкой тишины, не давящей и не пугающей. От нее становилось приятно на душе, и я не сразу понял, что же в ней такого странного. Лишь поднявшись с постели и раздвинув темные портьеры, я увидел причину этой легкости. Дождь закончился. Он больше не стучал по крышам, не выворачивал, как страж порядка, руки деревьям, не стекал в ручьи. Он наполнил природу своей свежестью и, как верный друг, передал ее в руки солнца. Капли, застывшие повсюду, переливались в его лучах и дарили надежду, что жизнь продолжается.

Когда дождь закончился, я еще не знал, что в моей жизни начнется более серый период, чем тот, который я видел за окном. В нем тоже были проблески, но он напоминал какую-то рутину, из которой невозможно было выбраться. Я все пытаюсь понять, сделал бы я так, как обещал себе накануне: уехал бы к солнцу? Ведь если бы дождь за окном не прекратился, я бы не встретил Линду. Неужели я настолько глуп, чтоб строить такие предположения?

Когда я впервые увидел Линду, она напомнила мне дождь. Странные сравнения для человека, которого ты видишь впервые. Дождь шел две недели, а ее я видел две минуты. Очень милая девушка. Такая робкая. И эти слезы на ее щеках. Странное двойное чувство отторжения и притяжения. Отталкивал холод капель на ее лице, слезы, становящиеся только что пройденным двухнедельным дождем. Я не хотел больше этой серой мрачности. Притягивала беззащитность. Хотелось гладить ее волосы, утешать и шептать всякие глупости, беспечно вызывая улыбку.

В тот первый день я видел ее две минуты, когда зашел к Марио в его магазинчик всякой всячины. Это было обожаемое мной место, напоминающее то ли свалку, то ли старый дедушкин сарай, в котором в детстве можно было открывать новые для себя вещи, такие как стамеска, буровой насос и натяжитель ремня. У Марио я вновь становился ребенком, копошащимся в старом хламе и находящим самые невообразимые вещи. Еще одной особенностью этого магазинчика было уютное кафе во внутреннем дворике, покрытом лианами. Мать Марио, Камила, пожилая полная женщина, меня обожала. Она готовила для меня свой *fragante* капучино, и за чашкой кофе успевала выдать истории всех жителей городка. Сплетни в ее исполнении становились увлекательными историями, столь захватывающими, что я невольно соглашался на вторую чашку, чтоб их дослушать.

Я полюбил Камилу как мать, которая в моей жизни, увы,

была другой. Женщина строгих правил, она не очень баловала меня любовью. Все ее правила жизни, разложенные по полочкам, вызывали протест и в то же время рождали чувство вины за то, что я недостоин быть ее сыном. Слишком разными были наши миры.

Забавным выглядело стремление Камилы найти нам с Марио «достойных» подруг. Она так ярко описывала новых встреченных ею девушек, их стройные изгибы и мудрые искорки в глазах, что мне тут же хотелось увидеть их воочию и связать с ними свою холостяцкую жизнь. В такие моменты я видел себя гуляющим по старому лугу, поросшему многолетними васильками и клевером, окруженным любящей женой, тремя детишками и старой псиной лабрадором. Как Камиле это удавалось, я ума не приложу. Станным, однако, было то, что, несмотря на все ее попытки найти сыну достойную невесту, он до сих пор оставался тридцатилетним холостяком, живущим с матерью. Их союз не поддавался логическому объяснению. Марио обожал свою мать так же, как и она его, делился с ней своими мыслями, идеями и даже страхами, и при всем при этом не был маменькиным сыночком. Камилла устраивала ему невероятные свидания вслепую и рекламировала всех новых узанных ею женщин как богинь, но при этом совершенно не лезла в личную жизнь сына, никогда не осуждала его поступки и не науськивала его на брак и тому подобное. По крайней мере, мольбы о внуках я от нее никогда не слышал.

Я любил их семью. Они стали мне родными, как только я попал в это захолустье. Поиски внутреннего мира привели меня в очередную дыру на карте мира, которая стала мне домом. Дома мелькали в моей жизни часто, напоминая яркие камни в калейдоскопе. Каждый дом был уникальным, единственным неизменным оставался в них лишь я. Странствующий, одинокий, блуждающий в темноте. Что я искал? Я не знаю. Хотелось что-то найти. Себя ли, смысл ли жизни – я, правда, не знаю. Меня вел внутренний порыв, не выраженная в словах и воображении мечта.

Линда. Все началось с нее. Нет, все началось с дождя, это уже потом ее слезы напоминали мне тот бесконечный дождь. Я зашел к Марио забрать утренний выпуск местной газеты. Я не читал две недели. Марио, увидев меня, заулыбался.

– Можно подумать, что ты испугался дождя, – сказал он, пожав мне руку, – привет, дружище.

Я похлопал его по плечу.

– Если бы я знал, что здесь такие безостановочные дожди, я бы и ногой сюда не ступил, – ворчливо, полушутя пробормотал я, – они наводят на меня тоску.

– Бери газету и уматывай, – не обратив на мои слова внимания, сказал Марио, – ты даже не представляешь, как затянутся мамины сплетни, если она увидит тебя. Ты не приходил две недели.

Я подмигнул ему и взглядом указал в сторону кухни, где Камила обычно готовила гостям кофе. Марио покачал голо-

вой, приложил палец к губам и указал в сторону кафе. Потом вновь покачал головой и возвел глаза к небу.

– Эта девушка – сам ангел, спустившийся с небес, – прошептал он, – тебе надо ее увидеть.

Мы, еле ступая, как какие-то воришки, пробрались к окну, отгораживающему магазин от внутреннего двора, и Марио указал на столик, за которым спиной к нам сидела Камила, а напротив ее – очаровательная девушка с мокрыми от слез глазами. Камила держала ее за руку и говорила что-то утешающее.

– Мама поит ее кофе уже третий день, а она все время плачет. Но мне она ничего не рассказывает, говорит, это девушка для тебя, – Марио ехидно подмигнул мне и ушел к прилавку, так как колокольчики уведомили о том, что в магазин зашел посетитель.

А я неподвижно стоял и сквозь стекло наблюдал за Линдой. Поистине очаровательна.

Двухнедельное заточение пробудило во мне вкус к движениям. Я навел невероятную чистоту в своем бунгало, выбросил старые газеты и журналы, пустые коробки от пиццы и несколько ящиков бутылок из-под пива. Убрал с глаз грязную клетку, в которой жил улетевший пару месяцев назад попугай. Проверил электронную почту и отписался родителям, вечно переживающим за своего никчемного сына, а потом даже сделал пару удачных снимков. Это напомнило мне

о том, что не помешало бы немного поработать. Я отправил несколько писем в издания, которые пользовались моими услугами, с предложениями о новых заказах. Как правило, одно из них всегда нуждалось на данный момент в предлагаемых мной работах, что позволяло мне вести такой беззаботный во всех смыслах образ жизни.

Фотография была не только моей работой и моим хобби, это была моя страсть. Особенное видение простых вещей, зафиксированных объективом, удивляло порой даже меня самого. За двенадцатилетнюю практику я достиг настолько высокого уровня в фотографии, что цена моих снимков росла в геометрической прогрессии, а четыре выставки работ держали на плаву мое имя.

Я никогда не обрастал стереотипами и какими-то надуманными правилами жизни. Не нанизывал на свой внутренний стержень безумные идеи о том, что можно и чего нельзя, особенно если это отдавало абсурдом. Просто жил и всегда удивлялся другим мужчинам, которые активно применяли это наслоение.

«Я никогда не войду в помещение первым, если со мной дама, не пропустив ее вперед».

«Я никогда не буду смотреть мелодрамы».

«Я никогда не пойду под одним зонтом с другой женщиной».

Все эти «никогда» всегда вызывали во мне внутреннюю

улыбку. Однако, как оказалось, и у меня было одно «никогда». Оно, правда, не было из категории мужских стереотипов, но все же.

Я никогда не фотографировал людей. Даже не могу сказать почему. Это не было табу или каким-то условием. Просто передавать застывшие образы людей было для меня кощунством. Я мог остановить время, капли, ветра, но только не людей. Как будто их движения напоминали мне, что мир все еще крутится.

Исключением была Лола. Она единственная удостоилась чести быть запечатленной мной на фото. Невероятная энергия ее души, казалось, не могла быть остановлена вспышкой. Так и было. Помню, я долго не брался проявлять пленку с ее фотосессией, но когда дошел до этого, замер в исступлении. Глядя на ее фото, можно было слышать смех и видеть блеск ее зеленых глаз. Я никогда не показывал ей эти фотографии. Не успел. Но сам очень часто разглядывал ее безумно красивые черты лица и точеную фигуру.

Лола. С нее началась моя жизнь. Ее появление было сродни свежему ветру, ворвавшемуся в затхлое помещение, сродни солнцу после долгих безостановочных дождей.

Я мчался на взятом в прокат бьюике 74 года выпуска и наслаждался видом побережья. Солнце, вид моря, беспечность и даже журчащий желудок пробуждали желание жить. Давно я не пребывал в таком приподнятом настроении. Радио и

внутренний голос во всю громкость напевали старые песни. Помню, что тогда я был невероятно счастлив.

Проснувшись однажды от всхлипываний Линды, находясь на грани нервного срыва, я собрал свои вещи и уехал, как объяснил ей тогда, в отпуск. У меня нет отпусков, я работаю на себя, о чем она, конечно же, знала, но, видимо, эта отговорка не вызвала у нее тогда протеста. Я закидывал свои вещи и прочие пожитки в открытый чемодан без разбора, с трудом упаковал фотоаппарат. Мне хотелось уехать как можно скорее от дождя ее слез, иначе двадцать процентов моего меланхолического темперамента превратились бы во все сто. А это была бы отвратительная, скудная, томящая жизнь, которую я не мог себе позволить.

Иногда мне кажется, что я заставил себя влюбиться в Линду. Это звучит глупо, но признаваться себе в совершенных тобой глупостях иногда бывает полезно. Я будто заставил себя влюбиться в нее и начать эти отношения, чтобы что-то доказать себе. Что я что-то могу и чего-то достоин. Что я тоже могу любить. Что я обычный мужчина, который в состоянии держать в норме банковский счет, карьерный рост и личные отношения. Что я могу что-то создать. Этот список можно продолжать до бесконечности, но найти ответ на вопрос «зачем я это сделал», я не могу.

Может быть, тогда меня подстегнули слова Марио, что эта девушка для меня. Может, я уже тогда создал себе ее невер-

ный обожествленный образ. А в реальности столкнулся просто с человеком.

Помню, в тот вечер мы играли с Марио в шахматы. Камила доливала нам свой фирменный кофе, и мы настолько расслабились за разговорами, что практически не обращали внимания на ход игры. А потом ввалилась эта свора девчонок. Боже! Как они все визжали! Как дворовые собачонки. Принялись украшать кафе всякими лентами и воздушными шарами, бросая на нас взгляды, смеясь и хихикая. Это, конечно, очень мило, но переизбыток женского визга утомляет.

Я закурил сигарету и принялся разглядывать юные тела в шортах и топах. Прелестные создания эти девчонки. Им от силы было лет по пятнадцать. Долговязые, но уже по-своему прекрасные, смелые и скромные, они радовали глаза и душу. За что им можно было сказать спасибо, так это предвкушение какого-то непонятного нам праздника. Мы с Марио уже перестали создавать видимость игры, согласившись на ничью. В обычной ситуации такое бы не прокатило: счет в наших партиях всегда велся очень строго.

Камила приносила девочкам лимонад, а нам доливала кофе, в который вскоре добавила немного рома. Чудо-женщина!

Мы с Марио, как мартовские коты, развалились в креслах-плетенках и, общаясь взглядами-усмешками, следили за приготовлениями к какому-то празднику. Я праздники не очень люблю. Все это красиво, но слишком утомительно.

Много людей – много шума. Я предпочитал маленькие компании с интересными людьми, но изредка попадая на шумные мероприятия, иногда оставался. Так было и в тот раз.

После получаса девчачьего визга в кафе стали приходить девушки постарше, им было лет по восемнадцать. Все они складывали подарки на столик с красной скатертью и заставляли большой стол принесенными лакомствами. А потом произошло самое интересное. Выключили свет, и когда в дверном проеме появилась чья-то фигура, все с громкими криками «Happy Birthday» и зажженными лампами бросились поздравлять какую-то девушку. Она улыбалась от неожиданности и всех целовала. А я все смотрел на нее не в силах отвести взгляд: это была та девчонка, которая плакала у Камилы на плече. Линда.

Оглядев украшенный зал, она посмотрела в нашу с Марио сторону, кивнула головой в знак приветствия и, как показалось, задержала на мне свой взгляд. Именно тогда в моей голове всплыли слова Марио: «Эта девушка для тебя». И когда заиграла музыка, я уверенно направился в ее сторону и пригласил на танец.

– Кавалер для именинницы, – улыбаясь, произнес я и повел ее в сторону, свободную от столов.

Она лишь улыбнулась и смущенно опустила глаза. Зато взгляды остальных двадцати девочек и девушек вмиг устремились на нас. Послышались женские перешептывания и смешочки, но я видел в их глазах добрую зависть к своей

подруге.

С моей подачи, мы с Линдой познакомились и разговорились. Она все рассказывала, какой неожиданностью стал для нее этот праздник и что если бы она знала о нем да еще что будет танцевать с таким красивым мужчиной (ее слова), то обязательно бы надела свое лучшее платье и уложила волосы. Мне оставалось лишь осыпать ее комплиментами и убеждать, что она выглядит как королева. Ее глаза так загорались в этот момент, будто она в жизни не слышала таких слов. А во мне уже проснулось желание дать ей еще больше, показать ей жизнь и защитить ее от невзгод, хотя я прекрасно понимал, что с ней не поиграешь. Первая серьезная любовь может стать для нее и сильной болью. Но остановиться я уже не мог. Так в один момент из кавалера в танце я превратился в ее будущего парня.

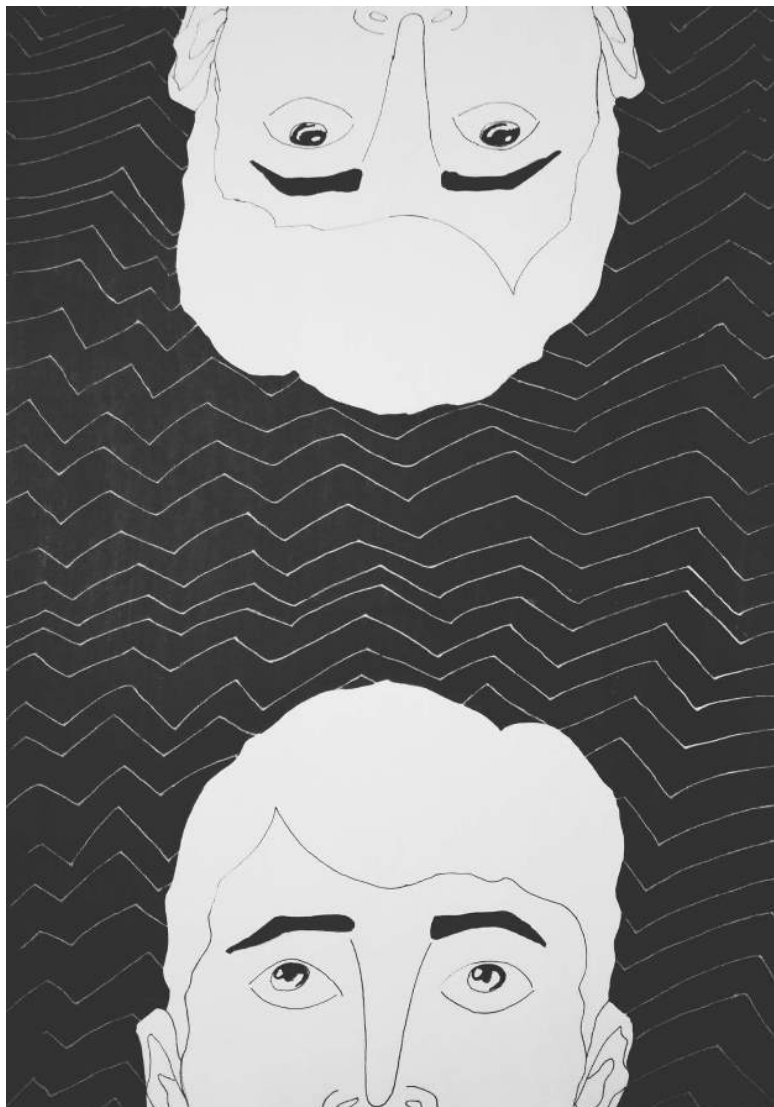
Один из мужских стереотипов звучит так: «Я никогда не буду плакать. Я же настоящий мужчина».

В ту ночь я плакал. Может, тогда я выплакал все свои слезы, накопившиеся за десятилетия. Ни умершая собака, которая была мне другом в детстве, ни провал в отборе в школьную сборную по баскетболу, ни даже первое понимание своего потерянного существования – ничто ранее не вызывало во мне слез.

Я плакал, став тем дождем, который так ненавидел в Линде. Плакал от боли, которую невероятным образом создал в

своей жизни. Плакал от путаницы своих мыслей и чувств. Эта боль была не моей, это была боль двух женщин, которые находились в моем сердце. Я почему-то решил, что они обе так сильно страдают из-за меня, что больше не мог выносить это состояние «отрицательного персонажа».

В ту ночь я решил, что Лола – иллюзия. Эти глупые слезы породили глупые мысли. Если бы у меня было хорошее настроение, я бы никогда так не подумал. Но его не было. Я напоминал себе депрессивную барышню. Всю следующую неделю я скитался по барам, напивался до состояния ползающего примата, смотрел со знакомыми футбол, который я ненавидел, в общем, всячески пытался вести образ жизни среднестатистического мужчины, которого интересует только секс, пиво и футбол. Секс в тот момент я, правда, упустил: не мог смотреть на других женщин.

С чего начались мои поиски? Со страха. Помню тот день, когда я проснулся в паническом страхе. Молодой, обеспеченный, живущий с родителями, но уже твердо стоящий на ногах. Душил воздух, я открыл окна. Вот это и есть вся жизнь??? Мне девятнадцать, я молод, я познал любовь и секс, тщеславие, гордость и даже толику власти. Это жизнь? В разных проявлениях, но такая? От этой мысли мне хотелось укрыться в платяном шкафу. Потом я начал прятаться в разных странах и культурах, бежал от себя, не мог принять ту мелькнувшую мысль, душившую меня, что это – все! Ухмыляюсь. Тринадцать лет... Когда я думаю об этих годах, меня вновь бросает в дрожь, ведь ничего, ничего не изменилось. Я так же просыпаюсь каждое утро с тенью той далекой мысли, перевернувшей мою жизнь.

Сперва я уехал на два месяца в Европу. Бродил, пытался забыться. Тогда же пошли наркотики, беспробудные пьянки, дешевые, потом дорогие шлюхи. Ничего не менялось. Травка, градус рома лишь на время заглушали мысли о бессмысленности жизни. Спасался в литературе, искусстве, культурах, обычаях – ничего не помогало. Да, заглушало на время, но потом вновь воскрешало, терзало душу, душило. Стал циничным нигилистом, верил в бессмысленность жизни и ни во что больше. Хамил людям. Много их тогда встретилось на моем пути. Потом остановился на востоке. Посетил Ин-

дию, Непал, Камбоджу, Бали, Шри-Ланку, Вьетнам. Что-то в них есть, что-то цепляет. Может, просто вырос? Не знаю. Ничего не знаю.

Перестал спорить с людьми, просто улыбаюсь. Чего-то жду? Чего? Не знаю. Одинокий волк, отдающийся любви, спасающийся в женских объятиях теплоты и ласки. Согревает, но скучно. Как новая культура или новое спиртное. Как все новое, становящееся рано или поздно старым. Надоедает, пресыщает. Это наркомания жизни: познал новое – успокоился, а потом нужна новая доза впечатлений и эмоций. Унять ломку поможет только новая доза.

Блуждающий в темноте наркоман жизни.

Когда я набрался смелости, я позвонил Лоле. Мы не виделись две недели, я ничего ей не объяснял о своем скотском, как мне казалось, поведении, а она... Она, черт подери, со мной заигрывала. Даже по телефону я слышал в ее голосе нотки флирта. Эта женщина была моим солнцем, но я слишком привык к сырости, чтобы признать это и впустить ее в свою жизнь.

В минуты, когда я с ней разговаривал, я открывал две стороны своего существования. Да, это пришло именно с ее появлением. Без точных дат и конкретных моментов. Это все равно, что пытаться вспомнить, как я начал ходить. Я этого не помню, как и не помню, что стало с моей жизнью с появлением в ней Лолы.

Временами я бываю дотошным. Думаю, окружающие этого никогда бы не сказали, но в моей душе порой начинаются самые настоящие допросы. Я задаю себе тысячи вопросов и пытаюсь ответить хотя бы на один. Искренне. Себя обманывать очень трудно, даже когда не понимаешь, какое место ты занимаешь в своей собственной жизни. Я пытался понять, чего я хочу от своей жизни.

Так странно, но именно Лола, которая символизировала собой солнце, начала эту борьбу. Линда, может быть, и вызвала во мне похожие чувства, но это были чувства обреченные. Счастливые или нет – значения не имело. Лола же заставляла заглядывать внутрь себя, что мне порой очень не нравилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.